

Андре Жюль

Новелла о вынудом мече, спасшем честь принцессы

18+

Андре Жюль

**Новелла о вынужденном мече,
спасшем честь принцессы**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Жуль А.

Новелла о вынужденном мече, спасшем честь принцессы / А. Жуль —
«ЛитРес: Самиздат», 2011

Данная новелла относится к циклу не связанных между собой историй под общим названием «Эротические рыцарские новеллы». Каждая история из этого цикла - это погружение читателя в удивительный мир благородных рыцарей и прекрасных дам, которым приходится сталкиваться и бороться со средневековым коварством и жестокостью.

Содержание

Глава 1 Принцесса и воспитанник рыцаря	5
Глава 2 Неудачное знакомство	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андре Жюль

Новелла о вынудом мече, спасшем честь принцессы

Глава 1 Принцесса и воспитанник рыцаря

Королева Каберта, должна была со дня на день разрешиться от бремени. В преддверии этого события, вся страна замерла в ожидании. Ведь от того, кто появится на свет: мальчик или девочка, зависело чего ожидать людям всех сословий: долгожданного мира или продолжение междоусобных войн баронов. Последние полгода из-за отсутствия единоличной власти по королевству гулял вихрь самоуправства. Вспоминались давние обиды, богатые вызывающие зависть вотчины переходили из рук в руки, дороги заполнили шайки разорившихся крестьян и ремесленников.

Все началось с того, что выступивший против взбунтовавшихся баронов король, погиб на поле боя. Одурманенные победой, мятежники в угаре сцепились между собой, деля добычу. Бывшие соратники, теперь остервенело рубили друг друга. Началась война всех против всех. За те шесть месяцев, что вихрь беззакония кружил по стране кровавыми оргиями, вино самоуправства, забродившие под палящим солнцем свободы, из сладкого превратилось в горькое. Мира хотелось всем, но только не любой ценой. В том, что стране нужен новый правитель, единодушно соглашались, однако в вопросе кому достанется власть, возникли серьезные разногласия.

Южные бароны, большая часть которых до последнего придерживалась погибшего короля, были за его возможного наследника. Уходя в поход, тот оставил свою жену на втором месяце беременности. Однако северные полагали, что править должен их лидер Алернэйн. Компромисс был возможен лишь при рождении девочки. В этом случае существовала предварительная договоренность о том, что новорожденную принцессу тотчас просватают за трехлетнего сына Алернэйна Теорисима, а лидер мятежников будет назначен регентом при двух малолетних особах, до той поры пока они не вступят в брак.

В тот час, когда Марс в вошел в знак Девы, королева родила девочку. Новорожденную принцессу, под восторженный перезвон колоколов, нарекли Висторией. В королевстве наступил долгожданный мир. У кружащегося хоровода безвластия появился хозяин, призванный вернуть порядок вещей.

Прошло четырнадцать лет. Принцесса расцвела в прекрасную девушку. День свадьбы с нареченным ей в женихи, при рождении Теорисимом, был близок. Все эти годы они росли вместе словно брат и сестра. Однако на вопрос, существовала ли между ними любовь, ответ был категоричен.

С каждым годом вместе с взрослением барончика, в его крови повышался градус самовлюбленного эгоизма. К моменту достижения шестифутового роста он сделал все, чтобы не вызывать к себе никакой симпатии окружающих. Его тайно ненавидели все, с кем Теорисиму приходилось общаться. Исключением не были даже священники, проповедующие любовь к ближнему. К невесте он относился, лишь как к красивой собственности, а потому её чувства к нему не выпадали из общего ряда. Лишь только один Алернэйн, глаза которого были затуманены родительской благосклонностью, в упор не видел недостатков своего наследника.

Касаемо самого регента, то к удивлению, многих он оказался хорошим правителем. Для своего сына он подготовил благоприятную почву. Доставшиеся ему руины некогда славного

королевства, он склеил воедино, словно разбившуюся вазу, да так, что она стала лучше, чем была до удара.

Правда находилось не мало скептиков утверждавших, что как только Алернэйн, выпустит власть из рук, то не пройдет и двух лет, как все рухнет, а королевство вновь увязнет в междоусобных распрях. Количество сторонников этого мнения, постоянно увеличивалось. Этому способствовал Теорисим, не упускавший возможностей продемонстрировать свой скверный характер. Но все же человеку присущи верить в хорошее, иначе сложно двигаться навстречу будущему, если оно беспросветно. Надеждой стала принцесса Вистория. Те, кто знал её достаточно хорошо, утверждали, что несмотря на кроткое поведение, девушка обладает стальным характером и когда наступит время, она возьмет будущего муженька в оборот и подчинит своей воле.

Они были словно две противоположности, две крайности, слияние которых в одно целое не могло быть естественным процессом. Мягкая, обходительная девушка со стройной фигурой, с приятной улыбкой и прорисованными дивной кистью создателя чертами лица, и её кавалер. Телосложением напоминающий откормленного кабанчика, само воплощение бестактности, с огромным носом в виде мотыги, пухлощекий, с двойным подбородком и маленькими пороссячьими глазками.

Вполне естественно, что Вистория не пылала к своему суженному страстью. Несколько лет назад, она даже просила свою матушку, расторгнуть эту помолвку. Как она говорила рядом с таким мужем ей, и корона не нужна. Но Каберта запретила и думать об этом. Со слов королевы, если её дочь не выйдет замуж за Теорисима, в королевстве вновь вспыхнет междоусобная война, в ходе которой погибнет множество невинных людей. Вистория сделала вид, что смирилась. Хотя на самом деле внутри неё все кипело. Почему она дочь законного короля должна выходить замуж за этого жирного самодовольного борова? Какое ей вообще дело до жизней незнакомых людей? Почему ради них она должна делить брачное ложе с тем, кто противен. На самом деле она была еще той гордячкой и вовсе не такой участливой и заботливой к окружающим, какой старалась показать себя. Просто мать с детства приучила её, скрывать свои чувства, таить их как еврейский ростовщик своё золото. Объясняя, что они гости в собственном доме и должны вести себя соответственно.

Впрочем, стоит отметить, что со своей стороны правящий барон Алернэйн, ни каких ущемлений, по отношению к королеве и её дочери, не чинил, скорее наоборот. К принцессе он и вовсе относился более, чем благосклонно. Даже никак к будущей невестке, а скорее, как к дочери. Для неё торба его благодушия всегда была открыта на полную. Ни разу он не позволил себе в их присутствии нелестно отозваться о погибшем короле. Он даже велел не упоминать об этом событие в балладах, по крайней мере в тех, которые звучали в королевском дворце.

Зато сынок, не в пример скромности и обходительности родителя, с лихвою отдавал долги бахвальству. Теорисим, не упускал даже малейшего повода, чтобы не пропеть дифирамбы победе мятежников над войсками короля. Слушая его восторженный, сильно приукрашенный пересказ событий, можно было подумать, что сражение было выиграно, исключительно благодаря ему. Заканчивались эти лишённые застенчивости речи тем, что его нареченная невеста и её матушка находятся в такой задолженности, какую им никогда не будет по средствам оплатить. За то, что их не вышвырнули из дворца, как бездомных собак. А даже оказали им честь, тем что он Теорисим, сын победителя, женится на дочери поверженного врага.

Скрепя сердце принцесса, старалась свыкнуться с мыслью, что однажды ей придется стать супругой этого напыщенного франта. Однако она ничего не могла с собою поделать, её аж передергивало, когда думала о том, что придется делить с ним ложе и рожать от него детей. Он был настолько ей противен, что ей требовалось напрячь всю свою силу воли, чтобы не оттолкнуть его в те моменты, когда на официальных церемониях Теорисим брал её под руку. В свою

очередь, самовлюбленный подросток, даже и представить не мог, что его невеста, испытывает к нему нечто подобное. Он искренни верил в свою исключительность, и что, как будущего короля его, все без исключения обязаны почитать и благотворить. Особенно же это касалась Вистории.

Единственное, что его раздражало, так это её нежелание отдаться жениху до свадьбы. Причину отказа он видел не в отвращении к собственной персоне, а в слишком уж благочестивом воспитании со стороны её матушки. Но ничего, как только он станет королем, тотчас отправит свою будущую тещу в монастырь, чтобы эта Христовая кость своим ретивым отношением к вере, не забивала голову, его супруге.

А между делом пробил час, ознаменовавший начало полового созревание принцессы. В ней стала просыпаться женщина, со всеми вытекающими желаниями и влечениями. Оставшись одна в комнате, Вистория частенько раздевшись догола, любовалась своим отражением в зеркале. Положив ладошки на свои наливные груди, она сжимала их, теребя пальчиками соски. В такие моменты она представляла, как подобные манипуляции с нею будут совершать сильные мужские руки. Речь естественно шла ни о Теорисиме. Затем одна из ладошек, начинала скользить вниз по гладкой коже, отчего та приятно покрывалась пупырышками, а по телу пробегала сладострастная дрожь. Доходя до низа живота и немного потеревив скрытый кудреватými волосками бугорок, девушка опасливо отдергивала руку. Как ей по секрету, рассказала одна из приставленных к ней девиц, по имени Озоса, то однажды та лаская себя, увлеклась настолько, что не заметила, как погрузила в свою расщелину несколько пальцев. Почувствовав резкую боль, она отдернула руку и поднеся к лицу, обнаружила кровь. Таким образом, она случайно лишила себя невинности. Теперь она очень боится, что, когда это откроется ей никто не поверит и её ожидает всеобщее порицание.

О том же, что именно происходит между мужчиной и женщиной, Вистория имела достаточно правдивое представление. Все та же Озоса водила её на конюшню, где они наблюдали, как жеребец сношался с карею кобылицей. Со слов всезнающей девицы у людей все происходило практически также, только мужской прибор был значительно меньше, а также заниматься этим можно было и в других позах.

Помимо самолюбования в зеркале, принцесса имела еще одно греховное влечение, нарушавшие назидания для порядочных девушек. Купание в пруду королевского парка. В компании двух своих фрейлин – подружек настроенных, как и их госпожа на веселый лад, Вистория обнаженной резвилась в небольшом водоеме. В такие моменты у неё зарождались вымыслы о том, чтобы случайно забредший красивый мужчина, тайно наблюдая за ней, любуясь её прелестями так очаровался бы ими, что по ночам вспоминая красоту её тела, сходил с ума от страсти, ворочаясь до самого утра в тоске. От таких мыслей она чувствовала, как тепло приятной волной, растекалось по бедрам.

И вот в один из дней, желанный зритель объявился. Им стал ровесник принцессы по имени Арут. Проживавший неподалеку от королевского сада. Однажды найдя лазейку, он частенько стал пользоваться ею. В одиночестве гуляя по королевской вотчине. Ему нравилось бродить в тени деревьев, вдали от посторонних взглядов. В такие минуты он предавался мечтам. К чему именно стремилась его душа? Да абсолютно ко всему! Юноша грезил о ратных подвигах; о любви миловидных женщин; о дальних загадочных странах; о геройски выигранных турнирах; о пирах, на которых столы ломятся от всевозможных яств; о красивых и дорогих одеждах и доспехах; о самом лучшем оружии; о вечной славе;

В тот день, воздушные замки Арута были развеяны девичьим смехом, раздававшимся со стороны пруда. Отрок уже вошедший в возраст, когда противоположный пол манит к себе, таинственным зовом, крадучись побрел на звуки. Напоминавшие веселый перезвон колокольчиков. Прокравшись как лазутчик, он, спрятавшись среди извилистых ветвей, смог наблюдать

прекрасное видение, которое с этой минуты сильно обогатило его мечты, касающиеся любви прекрасных дам. Насытив их яркими красками. Его взору предстали три девицы, резвящиеся на мелководье, совершенно голенькими. Вода едва доходила им до щиколоток, а остальные части их молодых созревших тел были предоставлены лучам солнца, ласкам легкого ветерка и горячим взглядам юноши.

В самом начале, Арут ошалело бросался глазами от одной красотики к другой: проскользнув по стройным ногам высокой русоволосой юницы, он устремлялся к пухленькой блондинке, обладательнице пышного бюста, а затем к миниатюрной кареглазой деве с милым личиком и наливной грудью. Однако вскоре, его метания прекратились. Третья чаровница полностью завладела его вниманием, оттеснив подружек, как зерно пшеницы в руках трудяги пахаря обесценивает плевелы. Залюбовавшейся молодец, еще пока не осознал, что образ этой незнакомки, уже воздвиг в его душе храм и отныне это единственное божество, которому он будет поклоняться.

– «Принцесса Вистория, уже пора возвращаться в замок», – обратилась блондинка к предмету вождения юноши.

«Так это сама принцесса!», – восхищенно подумал подросток, однако тотчас его восторг сменился печалью. Занозой, ему в голову пришла мысль о том, что статус девушки находится далеко за пределами его возможных притязаний. С горечью он рассудил, что ему никогда не суждено быть с нею. Хотя родословная Арута, брала своё начало вдали от низших слоев, но все же она не поднималось так высоко, чтобы рассчитывать на брак с титульной дворянкой.

Родителей благодаря стараниям, которых он появился на свет божий, юноша не помнил. Они стали жертвами смутного времени, навечно канув в нем, как щепки в огне костра, когда их сын, был еще младенцем. Сироту взял к себе и воспитал, родной брат его матери Ленграт. Некогда близкий сподвижник, нынешнего регента королевства. Славный воин, но, помимо этого, не имевший иных благих умений, пригодных для наступившего мирного времени, а посему оказавшийся не подходящим для него. Ретиво взявшемуся за восстановление королевства Алернэйну, потребовались люди умные и деятельные, а за дядей Арута таких достоинств не числилось. В итоге он постепенно был отодвинут вначале на второстепенные роли, а затем и вовсе забыт при дворе.

Свой век, звенящий в былые годы грозными сечами, воитель, доживал в небольшом имении. Находившимся практически у самого берега, омывавшей столицу, реки. Текущей в открытое море. Несколько раз в неделю, Ленграт уделял внимание племяннику, заставляя того постигать воинские премудрости. Все остальное время, закоренелый холостяк, в основном был занят таким не праведным делом, как дегустация крепких напитков. Этими занятиями воинского мастерства, оставлявшими в память о себе на теле отрока синяки и ссадины, (дядя не обращал внимание, что перед ним всего лишь подросток и работал деревянным мечом в полную силу, приговаривая, что нечего привыкать к поддавкам, мол в настоящем бою, никто жалеть не станет), да проходящему раз в неделю уроку письменности, закрывался счет обязанностей Арута. Никакой работой близкий родственник сироту не обременял. Гордо заявляя, что мужчинам их рода не пристало пасти коров, убирать за скотиной или заниматься подобными претящими рыцарской доблести вещами.

Имение, в котором проживали дядя и племянник, располагалось в районе, населенном в основной массе простолюдинами. На Аруте, это обстоятельство отразилось практически в полной изоляции от общения со сверстниками. Благородные отпрыски не желали с ним знаться, считая его бедняком, а для соседских мальчишек он был чужаком. К тому же последние завидовали беззаботной жизни юноши, самим-то им приходилось пахать с малых лет, а потому они при возможности устраивали ему всевозможные пакости. Например, встречая благородного отрока толпой, они тотчас, видимо желая добавить горчинки к сладостной жизни, пытались отмутузить его.

Здесь очень кстати оказывались уроки, полученные от Ленграта. Юноша умело отбивался от своры подростков, несмотря на их многократное преимущество. Ни разу не позволив завалить себя и запинать. Поэтому через какое-то время от него отстали, однако не упускали случая из-за угла обкидать камнями.

Впрочем, месяца за два до того, как он оказался на пиршестве для глаз, закатанным Висторией для случайного зрителя, Аруту удалось найти себе товарища из среды простолюдинов. Данное действие состоялось в доме у одинокого художника, частого собутыльника дяди, который преподавал воспитаннику рыцаря уроки письменности. Живописец жил на одной с ними улице. Это был суховатый старичок с грустными смиренными глазами. Вся его прислуга состояла из такой же дряхлой, как и он сам экономки. Помимо нескольких десятков кур, представитель мира искусства держал еще двух коров. Конечно, ни убрать за ними, ни припасти сена он был не в состоянии, а потому сговорился с соседским парнишкой, что тот за умеренную плату, будет делать всю работу по уходу за скотиной.

Так случилось, что однажды сирота и паренек по кличке Коршун, пересеклись на задворках, имения живописца. Там, где располагалась постройка для живности. Простолюдин пришел убрать за скотиной, а ученика, старик отправил изображать своих рогатых питомцев. Он полагал, что это поможет сформировать красивый почерк. Коршун по-своему воспринял, появление чужака.

– «Что прислали за мной следить?», – сплюнув, не дружелюбно поинтересовался он.

– «Нужен ты мне больно со своими навозными лепешками», – усмехнулся в ответ юноша, благородных кровей.

– «Что же ты тогда сюда приперся?».

Арут хотел было сгрубить, но взглядевшись в веселое лицо паренька, передумал, и вполне благодушно признался: – «Коров буду рисовать».

Его собеседник на это громко расхохотался, однако в смехе не проскальзывало злобы: – «Коров! Ха-Ха! Видать художник то из тебя не ахти какой!».

– «Это еще почему?», – искренни, удивился отрок.

– «Как, почему? Был бы ты хорошим художником, ты бы святых писал на иконы, а затем их в церковь продал, или портреты какие за награду. А ты коров. Думаешь, они тебе много заплатят?», – произнося это, мажордом скотного двorca, продолжал давиться от хохота.

Его задиристый смех приятно щекотавший слух, передался Аруту, заставив того улыбнуться: – «Вот ты и дурак! Думаешь, я это делаю, ради денег?».

– «А зачем еще рисовать? Все художники продают свою мазню, а на что еще им тогда жить-то?».

– «Ты ошибаешься я собираюсь стать рыцарем, а эта мазня нужна, чтобы тренировать красивый почерк».

Это заявление, посеяло на лице у любопытного недоросля, признаки не поддельного интереса. Он перестал смеяться и недоверчиво посмотрел на собеседника: – «А что разве рыцари должны уметь писать? И вообще, с чего ты решил, что ты им станешь?».

– «Они много чего должны уметь. В том числе и писать, и низать рифмы, и на лире играть, и танцевать на балах, а еще сражаться любым оружием и в любых обстоятельствах. А кем же я еще, по-твоему, должен стать? Мне сам Господь сулил идти по ступеням этого пути. Я благородного происхождения, обучаюсь всему, что нужно. Конечно, это случится не сразу. Для начала мне придется побыть оруженосцем при одном из славных воителей. А потом, когда он примет решение, что я достоин, или я как-нибудь проявлю себя, то тогда посвятит меня».

Лицо Коршуна угрюмо осунулось: – «А я вот слышал, что бывало, когда в рыцари посвящали из простых. Неужели это все враки?».

По надежде, сквозившей в глазах парня, отрок догадался о того потаенном желании. Взять на себя роль палача чужой мечты, племянник Ленграта не решился и поспешил обнаде-

жить: – «Такие случаи действительно случались. Но они очень редкие. Простолюдин должен особо проявить себя, к примеру, совершить какой-то подвиг».

После этого, они занялись каждым своим делом. Минут через пятнадцать, Коршун, закончив с уборкой навоза, подошел к Аруту.

– «Слушай, так ведь получается, что после того, как ты станешь рыцарем, ты сам сможешь посвящать, кого захочешь?», – с нотками заискивания в голосе, спросил он.

– «Некого захочу, а того, кого сочту достойным этого», – последовал наигранно гордый ответ.

– «Так я это и имел в виду», – простодушно отозвался парнишка из простых. После чего, он заглянул в выводимый силуэт.

– «Э, да разве ж это корова?», – удивленно заявил он, – «Дай-ка, покажу, как надо». С этими словами он выхватил из рук юноши лист пергамента и гриф и принялся колдовать над контурами. Получилось у него чуть получше, по крайней мере, по рисунку, можно было понять, какое именно животное пытался изобразить художник.

С этого момента началась их дружба. Простолюдин разговор о рыцарстве больше не поднимал, но всякий раз, когда выпадало свободное время, он разыскивал нового товарища, и терпеливо повторял за ним всё, чем тот в данный момент занимался.

Однажды его торчащую из кустов башку заметил Ленграт, тренировавший племянника.

– «Эй, а ты чего это там прячешься?», – грозно окликнул он Коршуна. Паренек виновато выбрался из укрытия.

– «Да ничего, я так просто хотел посмотреть», – пробубнил он.

– «Нечего здесь смотреть. Хочешь попробовать, так изволь присоединиться, а если трусишь, то проваливай!».

Так парнишка стал обучаться воинским премудростям. Благородному юноше было жаль приятеля, уступающего в бойцовских навыках, и он старался в спаррингах работать в пол силы. Однако дядя на дух, не переносящий таких телячьих нежностей, пригрозил, что если племянник не будет лупить, что есть мочи, то прогонит взашей нового ученика. В итоге вскоре все тело Коршуна покрылось многочисленными синяками и ссадинами».

Но если в воинском деле простолюдину было пока сложно соревноваться с приятелем, то в кое-чем, он сам мог дать фору. Это касалось общения с противоположным полом. Аруту не раз приходилось слышать от своего друга истории, о том, как тот весело проводил время с различными девицами. Однако воспитанник рыцаря не верил в них, считая, что рассказчик либо сочиняет, либо пересказывает услышанное от кого-то. Пока однажды случай, не убедил благородного отрока в обратном.

В тот вечер они задержались на реке, проверяя сети. Назад возвращались затемно. Уже войдя в пригород, юноши повстречали хмельную девицу. Высокая и худощавая, минимум на пару лет постарше, она сама обратилась к ним с просьбой подсказать дорогу. Вместо прямого ответа, Коршун зачем-то принялся выяснять кто она такая, и как её угораздило заплутать в такое время в незнакомой местности.

Девушку звали Молли. Раньше она жила в столице, но восемь лет назад, вместе с семьей переехала в одно южное графство. Местный барон дал отцу должность егеря. Там она вышла замуж. Сейчас приехала навестить свою тетку, дом которой и желает разыскать. Возвращается же от подруги детства, у которой немножко засиделась. Она рассчитывала, что без труда найдет дорогу, да видимо впотымах, где-то не туда свернула.

– «А ты сильно спешишь?», – выяснив это все, полюбопытствовал Коршун.

– «Вообще-то час уже поздний, а что?», – в свою очередь поинтересовалась девушка.

– «Да подумал, может быть ненадолго, составишь нам компанию. Просто у моего товарища», – он указал рукой на Арута, – «Сегодня день рождения. Мы вот, идем праздновать, но

отмечать вдвоем скучно. А ты бы могла хоть на чуть-чуть разбавить нашу компанию, а потом мы бы проводили тебя».

– «Так у тебя сегодня день рождения? Поздравляю! И сколько тебе исполнилось?», – девица повернулась в сторону именинника, намекая о возможности внесения поправок в её ближайшие планы.

– «Семнадцать», – подключившейся к обману Арут, накинул себе несколько лет.

– «Солидный возраст, уже и жениться можно», – пошутила Молли, и добавила после не большой паузы, – «Раз такой весомый повод, то ненадолго компанию я вам составлю».

Дед Коршуна, по матери, был портным. К своей работе он относился со всей пристойностью, а потому дела у него, с божьей помощью, шли неплохо. Для удобства клиентов, чтобы не сталкивать их со своим житейским бытом, он рядом со двором построил не большой домик. Состоящий из двух комнат. В одной он принимал посетителей и снимал с них мерки, а во второй кроил и шил. Передать мастерство внуку у швеца не получилось. Выскочившая замуж за торговца морехода единственная дочь, покинула отчий дом. А её муж сразу рассеял сомнения по поводу будущего своих детей. С его слов к такому пустячному делу как шитьё его наследники будут не причастны. Однако, когда тот утонул, его вдова вернулась к родителям с двумя сыновьями. Портной, взялся было, обучать старшего мастерству, да вот только это благое начинание оборвала смерть. До какой-то поры пристройка, лишившись хозяина, оказалось бесхозной. Пока подросший Коршун, не решил жить отдельно от мамки с бабкой и младшего брата и не въехал в неё.

Именно в это жилище парни и привели свою новую знакомую. Когда внук обустроивался в дедовской пристройке, то обнаружил припасы, состоящие из трех бочонков крепленого вина. Свою находку, он утаил от домашних. Сейчас, нацеженное в бутыль содержимое тайника, вместе с нарезанными кусками окорока, послужило угощением для празднования мифических именин.

При свете парочки свечей, товарищи смогли внимательней рассмотреть гостью. Наверное, еще пару лет назад её можно было назвать красавицей, даже несмотря на крючковатый нос. Вот только рассвет девичей красоты, остался позади. В темных густых волосах, уже появились паутинки седины, по лицу проскальзывало несколько морщинок, а в нижнем ряду, не хватало, как минимум парочки зубов. Однако, для Арута еще не ставшего гурманом женской красоты, а потому не судившего строго, все это было столь мелко, что не заслуживало внимания.

Вскоре от выпитого вина, молодым людям, собравшимся не на богомолье, стало весело. Роль главного заводилы бесед, а также основного рассказчика, взяла на себя Молли. Друзья безропотно отдали ей эту роль. Для начала девушка, складывая слова в звонкое звучание, поведала им несколько историй о временах своего детства, проведенного в этих краях. Затем, она переключилась на подружку, у которой сегодня гостила. О том, какой та была в годы их ранней юности. Напыщенной самовлюбленной особой, которая была уверена, что когда вырастет, выйдет замуж по крайней мере за барона. Сейчас же её муж, обычный рыбак. Против которого та и слово боится молвить. Сотрапезники, весело, заливисто смеялись над этой присказкой, так словно лично, были знакомы с женой рыболова.

Компания располагалась на двух лавках, находящихся параллельно к столу, стоящих напротив друг друга. Одна из них была в полном распоряжении Коршуна, на другой разместились Арут и гостья. Молли в отличие от юноши, совершенно не смущалась того факта, что части их тел, периодически соприкасались. Для отрока же, каждое такое случайное прикосновение, бедра к бедру, или локтя к локтю, было чем-то сверх запредельным. Ведь для него, столь близкое присутствие рядом молодого женского тела, было по сути впервые. С каждой минутой, он испытывал к своей соседке, всё большую расположенность. Однако, как оказалось его товарищ, смотрел на происходящие под более прозаичным углом.

– “Кто первый ты или я?”, – тихо спросил внук портного, когда девушка отлучилась на свежий воздух.

– “Ты, о чем?”, – Арут, не смог внять смысл вопроса.

– “Как, о чем? Кто первый уединится с нею в подсобке”, – Коршун, был крайне удивлен не понятливостью приятеля.

– “Давай, я”, – неожиданно, благородный юноша, вдруг осознал, что вообще ни хочет делить девицу с другом.

– “Уверен, что справишься?”, – недоверчиво поинтересовался устроитель пира.

– “Конечно!”, – с бравадой, отозвался отрок, словно это было для него не впервые.

Вернулась Молли. Продолжив загибать свои коротенькие байки, забывавшиеся, сразу после окончания. Через несколько минут, юноша благородных кровей, поймал взгляд товарища. Намекавшим, что пришло время действовать. Осознавая, что настал черед проявить себя в делах любовных, Арут перешел к активным маневрам. Он взял в одну руку ладошку девушки, сверху накрыв её, пальцами второй.

– “Ты чего?”, – удивилась она.

– “Просто у тебя, такая нежная рука”, – вытягивая слова, он почему-то решил, что произнесенная, таким образом фраза, будет звучать романтичнее, промолвил начинающий соблазнитель.

– “А у тебя, холодная”, – хихикнула, девушка.

– “Рука, то у меня может и холодная, зато кое-что другое горячее”, – не растерялся с ответом, юноша.

– “Да? И что же это?”, – бросив в его сторону, игривый взгляд, поинтересовалась кокетка.

– “Сердце!”, – напыщенно, выждав паузу, возгласил Арут, про себя гордящийся, своим ответом. Сейчас, он представлялся, сам себе, таким галантным искусителем. Чьи фразы, сладостью рифм, заставляют трепетать и умиляться, женщин.

– “А я думала, что ты имел в виду по крайней мере губы” – судя, по смешку Молли, её этот отзвук рыцарской изящности совсем не впечатлил. Не вызвав ни умиления, ни трепета.

Как оказалось, не вызвал он импрессию и у наблюдавшего со стороны за происходящим Коршуна. Он видимо также разочаровался, в способностях своего товарища посылать в цель стрелы соблазнения. Глубоко выдохнув, после реплики, возможно имевшей успех в письменных романах, внук портного, который в буквах был не силен, залпом допил стакан, наполненный более чем наполовину. Затем встал и обратился, к девушке: – “Можно, тебя ненадолго отозвать в сторонку, хочу кое-что спросить”.

Молли выдернула ладонь из рук Арута, и встав последовала на это простое приглашение, не приукрашенное изысканностью речевых оборотов. Коршун провел гостью, во вторую комнату, и войдя внутрь, захлопнул дверь. Как только, они скрылись, отрок, соскочил с места. Подойдя к стене, разделившей его с сотрапезниками, он обнаружив щель, прильнул к ней глазом.

Небольшое оконце, расположенное аккуратно напротив входной двери, пропуская сквозь себя, тусклый свет луны, скудно освещало помещение. С трудом потерпевшему крах ловеласу, удалось различить два, находящихся в комнате силуэта. Стоящих в непосредственной близости друг от друга. Если с видимостью дела обстояли достаточно скудно, то звукам ничего не мешало, беспрепятственно покидать пределы, небольшого помещения. А потому юноша, прекрасно слышал весь произошедший за стенкой диалог.

– “Что ты делаешь?”.

– “Да ладно тебе, что ты дурочку корчишь! Будто не поняла, зачем я тебя позвал”.

– “Вообще-то я замужем”.

– “Это даже к лучшему. Ничего, от твоего муженька не убудет”.

– “А ещё у меня кровавые дни”.

– “Хватит лепить отговорки, побереги их другому”.

Наступила пауза, сопровождавшаяся, бурным двойным дыханием. Прервал её Коршун: – “Что это у тебя там?”.

– “Я же говорила, у меня кровавые дни”.

– “Вот, черт! Хотя мне без разницы, я не брезгливый. Давай ложись”.

– “Подожди! Дай одежду сниму. Не хочу запачкаться”.

На этом слова закончились, ведь сговор против нарушения церковной заповеди о супружеской верности, успешно состоялся. Далее, пытавшемуся разглядеть, происходящие в темной комнате события, через щель в стене, Аруту показалось будто у одного из силуэтов, вырастают крылья. На самом, деле это подавшаяся блюду грешница, стягивала через голову юбку. После того как Молли разделась, обе тени, опустившись вниз, окончательно пропали из поля зрения. Послышались звуки, смысл которых приятно будоражил своей непристойной откровенностью. Частые глубокие вскрики девушки и звонкие тычки, от бьющейся влажной плоти.

Манерный отпрыск, ощутил, как от громких томных стонов, его фаллос начал наливать изнутри неведомой силой. Очень быстро, от манящей к себе любовной сечи, тому стало неприлично тесно в темнице штанов. Упершись в ткань, головка узника, принялась тереться об материю. Эти соприкосновения, вызвали в юноши, приятную истому, от которой исходили завораживающие лучи, стремящиеся разнести наслаждение по всему телу. Создалось такое ощущение, что с каждым новым вздохом Молли, крайняя плоть юноши набухает всё сильнее. Возникло даже чувство, что вскоре ей станет, тесно не только в штанах, но и во всем помещении. Но, тут видимо достигнув своего максимума, усиленно рвавшийся на волю упругий змей, принялся сокращаться. Волны блаженства, бьющие от него, переросли в экстаз. Еще один стон, еще одно трение головки об ткань, и орудие Арута, выпустило подряд, три залпа. После чего сникнув, стало уменьшаться в размерах. Когда не долгое чувство упоения прошло, на смену пришел дискомфорт от того, что вся паховая область оказалась пропитана слизкой жидкостью. Желая избавиться от этих следов не парной любви, отрок поспешил вернуться к оставленному месту застолья, в поисках тряпки. Но в этот момент затихли и эротичные вздохи девицы.

Зависшею тишину, звонко оборвал, властный говор Коршуна: – “Лежи здесь и не вздумай, одеваться, а я пойду позову Арута”.

Услыхав эту фразу, молодчик чье имя было упомянуто в ней, сильно испугался, что его конфуз будет обнаружен товарищем. Вся ткань спереди его брюк, пропиталась насквозь и скрыть образовавшиеся пятно не представлялось возможным. К тому же, он не был уверен, что после случившегося, сможет сейчас поднять своё оружие для любовного подвига. Заметавшись по комнате, как загнанный кролик, юноша, уже был готов выпрыгнуть в окно и сбежать, но, когда скрипнула, открываемая хозяином дома дверь, в его голову спасительной стрелой влетела идея. Он быстро, повалился на лавку, скрутившись калачиком, таким образом, чтобы не было видно следов его несдержанности, и притворился спящим.

В комнате, раздалось шлепанье босых ног. Оборвавшиеся прямо перед ним.

– “Эй, Арут, давай вставай, твоя очередь”, – тормоша его за плечо, весело произнес Коршун. В ответ, отрок изобразил, как пытается, но не может раскрыть веки, и при этом принялся бормотать, бессвязные звуки. Благодаря дядиным пирушкам, он знал, как выглядят люди в невменяемом состоянии.

– “Эй, рыцарь, тебя ждет прекрасная дама, ты должен спасти её от дракона”, – продолжая пихать приятеля, внук портного не упустил возможности, пошутить. Видя, что старания не приносят никого результата, простолюдин, лениво махнул рукой.

– «Как знаешь», – после этих слов, шлепанье босых ног, возобновилось, но теперь оно не приближалось, а удалялось.

Вернувшись назад к замужней девице, парень выдал следующую тираду: – «Что ж раз именинник не желает, то я, пожалуй, еще разок, закину своё удило».

Ответом послужило напускное ворчание со стороны Молли. Арут встал с лавки и отыскав тряпку, засунул её внутрь штанов. Отчистившись от слизкой скверны, юноша принялся настраивать себя на поход, который должен был приоткрыть ему калитку в загадочный мир, плотской любви. Вот только его приятель не спешил, завершать ходы своего ферзя. Ожидая, когда вход в волшебную пещеру освободится, сирота прилег на лавку, закрыв глаза.

Через несколько мгновений, отрок утратил всю связь с человеческим миром, превратившись в орла. Он тотчас взлетел, и широко расставив крылья, стал парить над подлунным миром. То стремительно набирая высоту, то камнем падая вниз. Он чувствовал себя ни хорошо и ни плохо, а так словно всю жизнь был величественной птицей, и полет не таил в себе, ничего необычного. На горизонте появилась черная туча, которая стала стремительно приближаться. Вблизи она оказалась стаей ворон, подлетев ближе они разом кинулись на орла. Самая безобразная из них, первой клюнула его в правый бок, её примеру последовали остальные. Он открыл глаза, снова становясь человеком и увидел зависшего над ним Коршуна.

– «Что моя очередь?», – спросил юноша, посылая мысленный сигнал своему змею, что тому пора оживать.

– «Да, ушла она уже! Ты бы еще дольше спал! Между прочим, я тебя будил. Ты давай, вставай мне нужна твоя помощь».

Разочарованно отрок побрел за приятелем. Внук портного хотел пока все спали, забросить на крышу тюфяк, на котором любил Молли. Чтобы начавшее ласкать горизонт солнышко, просушило его. Взяв свою ношу по краям, товарищи вытащили её на улицу. Уже достаточно рассвело, чтобы можно было различить любую мелочь. Взглянув на тюфяк, Арут увидел, что вся его середина измазана не подсохшими кровавыми пятнами, перемешанными с белой слизью. Ему стало так противно, что отбросив ношу, он согнувшись пополам, начал извергать из себя остатки пиршества.

Глава 2 Неудачное знакомство

Прошло три дня с того момента, как Аруту посчастливилось лицезреть такое чудное видение, как купание принцессы и её фрейлин. Хоть эта картинка была еще совсем свежа и не успела обветшать под воздействием ветра времени, он хотел повторно усладить свою душу. Ежедневно юноша совершал по несколько вылазок к королевскому пруду, однако они были напрасны.

Этот вечер отрок проводил в компании своего приятеля на берегу реки. Товарищи пришли проверить сети. Вытащенные из водных пучин рыбацкие принадлежности, скрывали в себе улов в виде двух крупных судаков и еще целой кучи разношерстной мелюзги. Приятели сошлись во мнении: зажарить крупных рыбин прямо на берегу, а мелочь забрать с собой. Коршун не стал обременять товарища, взяв полностью на себя все приготовления. Он срезал две рогатины, воткнул их в землю, бросил поверх них прутья с насаженной рыбиной. Затем развел огонь. Все это заняло не более десяти минут. Бездействовавший Арут подсел поближе к костру, и опустив лицо принялся палкой выводить на песке бессвязные рисунки.

– «Последние пару дней тебя словно подменили, из жизнерадостного весельчака ты превратился в нудного святошу. Чего такого страшного ты успел совершить, что ведешь себя будто на покаянии?», – переворачивая судаков, спросил парень, возложивший на себя обязанности повара.

В ответ благородный юноша молча покачал головой.

– «Раз не хочешь рассказывать, значит не надо».

– «Да рассказывать особо нечего. Так пустяки. Постоянно всплывает перед глазами один женский образ. Слово наваждение какое-то», – отрок счел, что будет уместно не распространяться о тайне принцессы, а потому его дружок не знал, про королевский пруд.

– «Понятно. У меня тоже так раньше было. Все время мерещилась одна особа. Даже до сих пор иногда снится».

– «Кто Молли?», – заинтригованный этим признанием Арут, поднял голову, уставившись на товарища.

– «Да какая к чёрту Молли? Стал бы я о ней думать! Нет, конечно», – Коршун сделал паузу, во время которой смачно харкнул, а затем добавил: – «Это королева!».

– «Кто королева? Да где ты вообще мог её видеть?», – удивление юноши было настолько сильным, что его возглас скорее походил на крик.

– «Да тише ты! Неровен час кто-нибудь услышит!» – произнес простолоудин, после чего опасливо повертел головой по сторонам. Последующие слова он произнес чуть ли не шепотом: – «Я видел её всего раз. Возвращался с рынка, а она проехала мимо в карете. Полностью конечно не видел, врать не буду. Но она высунула в окошко свою ручку, чтобы бросить монетку нищему. Поэтому я видел только её плечико, ладонь и локон. Но поверь этого достаточно, чтобы понять насколько она прекрасна, как женщина».

– «Не знаю, сомневаюсь, что лично мне этого хватило бы для оценки женской привлекательности» – усмехнулся отрок.

– «Да что ты вообще понимаешь! Про такое в твоих старинных книгах не напишут. Ты бы только видел её ладошку, такая миниатюрная, не чета лапам местных девок. А пальчики такие аккуратные! Я только представил, как они обхватывают мой член! Аж мурашками покрылся от этой мысли! Так возбудился, что чуть там же не кончил. Ни одна баба не вызывала у меня подобного! Да только ради единственной ночи с такой женщиной, можно отказаться от града небесного».

– «Хорошо, а как ты избавился от этого наваждения?», – не без доли сарказма поинтересовался племянник рыцаря.

– «Как, как! Залезь под юбку падчерице мясника! Все эти видения до поры пока первый раз бабу не приласкаешь. Думаешь ты один такой! В тот раз не уснул бы и сейчас не маялся! Но не переживай, мы избавим тебя от этого недуга».

– «Что к Молли в гости поедим?», – с грустной улыбкой, пошутил Арут.

– «Да сдалась тебе эта Молли! Будто иного выбора нет, думаешь она одна во всем королевстве ноги раздвигает. Ты вот лучше скажи, можешь одолжить у дяди бурдюк с вином?»

– «Могу и что мне с ним делать?».

– «Припрячь до случая!».

Через два дня, после вечерних посиделок на берегу, воспитанник Ленграта, получив наставления от дяди, что есть мочи дубасил деревянным мечом врытое в землю бревно, когда в ворота вбежал запыхавшийся простолюдин.

– «Привет. А ты как раз вовремя. Хватай второй меч, будем отрабатывать защиту», – приветствовал появление приятеля, благородный отрок.

– «Давай не сейчас! Помнишь мы с тобою про вино говорили? Ты смог его добыть?», – практически без пауз, скороговоркой протараторил беглец.

– «Конечно, ведь я обещал!».

– «Тогда хватай и побежали!».

– «Куда и зачем?».

– «Я все объясню по дороге!».

Арут вытащил из нычки, бурдюк и всунув его за пазуху, кинулся следом за товарищем. Из-за бешеного бега, слова давались внуку портного с большим трудом, поэтому преодолев третью часть пути, юноша смог выяснить только следующие: Топор и Хряк поймали Блоху. Они повели её в сарай Хряка. Парням нужно успеть, пока названная парочка не отпустила Блоху. После двух третьих, добавились новые подробности: Хряком и Топором звали двух знакомых Коршуна. У отца Хряка на берегу имелся сарай. Где сушили сети и конопатили лодку. Когда глава семейства уходил в море, постройка пустовала. Уже на последнем отрезке, выяснилось, что Блохой звали местную девку. Пару лет назад её насильничали какие-то мародёры. После того как об этом стало известно в округе, шансов выйти замуж у неё не осталось, и она пошла по рукам. Дошло до того, что стоило той выйти со двора, как первый встречный парень сразу же тащил её в кусты. Наверное, в квартале не осталось никого, кто хотя бы раз не оприходовал девицу. Уже, когда они оказались на берегу, Коршун предупредил, что Топор отличается буйным нравом. Постоянно пытается всех спровоцировать, главное не поддаваться и не показывать, что боишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.